

Сергей -

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Материалы X-й международной
научной конференции
Международной ассоциации
исследователей истории
и культуры российских немцев

МОСКВА, 18-21 ноября 2003 г.

ФАКТОР ПЕТЕРБУРГА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ПОДСТОЛИЧНЫХ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ

Е. В. Бахмутская

В статье ставится задача проанализировать отдельные аспекты много-стороннего влияния, которое оказывала российская столица на жизнь располагавшихся в Санкт-Петербургской губернии немецких колоний, проследить, каким образом близость иностранных поселений к Петербургу повлияла на эффективность колонизационной политики в данном регионе, что в свою очередь дает возможность охарактеризовать особенности развития петербургских колоний по сравнению с иностранными поселениями других регионов страны.

В ходе основания подстоличных немецких селений решались не только общие задачи по заселению и хозяйственному освоению Ингерманландии, возвращенной России в ходе Северной войны (1700 – 1721 гг.), но и конкретнее, задачи обустройства дворянских имений. Так, Екатериной II было принято решение об основании в 1766 г. двух колоний (Среднерогатской и Ижорской) на территории Царскосельского имения; согласно указам Александра I в 1809 – 1811 гг., появился ряд колоний на землях Царскосельского (Кипенская) и Ораниенбаумского (Ораниенбаумская, Кронштадская, Петергофская) имений; по инициативе великого князя Константина Павловича тогда же была основана колония в принадлежавшем ему имении Стрельна; императрица Мария Федоровна в 1818 г. основала в Павловске колонию Этюп; в 1819 г. появилось немецкое поселение Фриденваль в Царском Селе; в 1833 г. Николай I положил начало Александринской колонии в Петергофе; в 1842 г. его супруга Александра Федоровна способствовала поселению группы колонистов на территории своего Знаменского имения¹. Таким образом, можно говорить о своеобразной моде на поселение колонистов, распространявшейся в первой половине XIX в. среди членов российской императорской семьи.

Основанию петербургских колоний придавался также определенный политический и идеологический смысл: лежавшие на главных подьездных путях к российской столице, они были призваны представлять примеры благоустроенных и зажиточных сельских поселений и служить наглядным подтверждением процветания водворенных в России иностранных колонистов.

В наибольшей степени это замечание относится к группе так называемых приморских колоний, спроектированных и построенных как часть общего грандиозного ансамбля Петергофской дороги — проходившего по побережью Финского залива «парадного пути» из порта Кронштадт в Петербург.⁴

Данное обстоятельство предопределяло особое внимание к архитектурному облику и благоустройству селений со стороны российских императоров. Проекты подстоличных колоний, появившихся в ходе двух основных этапов колонизации (1765 — 1766 гг. и 1809 — 1811 гг.), утверждались лично Екатериной II и Александром I, к их созданию привлекались известные российские архитекторы, тогда как в Поволжье и на Юге России эти вопросы решались штатными землемерами местных опекунских контор.⁵

Дома петербургских колонистов по своим характеристикам значительно превосходили жилые постройки, возводившиеся в иностранных поселениях других регионов страны. Так, в колониях, построенных во второй половине 1760-х годов под руководством архитектора Мельникова и инженера фон Лилленталя, каждому семейству был предоставлен двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте общей площадью 240 кв. м. Крыша дома была покрыта брусом, фасад обшит досками, со стороны двора дом имел двухэтажную галерею, служившую защитой от ветра и холода. Планировка жилых помещений на каждом из этажей включала четыре комнаты и кухню. Стены комнат были оштукатурены и оклеены обоями, кухня и потолки в комнатах побелены.⁶

При строительстве второй группы колоний в начале XIX в. для переселенцев возводились одноэтажные деревянные дома на каменных фундаментах с дощатыми крышами. Размеры дома и количество жилых помещений в нем варьировались в зависимости от того, на семейство какой величины он был рассчитан (различались дома «большие двойные», «средние двойные» и «малые»)⁷. Курировавшим строительством внутренних дел А.Б. Куракиным на рассмотрение Александра I было представлено около двадцати вариантов фасадов домов, разработанных при участии архитектора А.Н. Воронихина, из которых императором было отобрано одноназначать. Передавая мнение царя инспектору петербургских колоний Е. Ф. Канкрину, Куракин предписывал ему «избегать сколько возможно единообразия в фасадах и употреблять разные фасады из апробированных по приличию местоположения к разным домам».⁸ При этом в целях соблюдения принципа «регулярности» стоящие рядом дома должны были иметь одинаковые фасады, выкрашенные краской одного цвета, и располагаться симметрично относительно находящегося между ними фрукто-

вого сада; каждая такая группа из двух домов отделялась от другой пары дорогой, ведущей в поле.

Важнейшим следствием повышенных требований к благоустройству петербургских колоний явилась исключительно высокая стоимость их строительства и соответственно значительно большие, нежели в других регионах, размеры долга колонистов российской казне.⁹ В «старых» колониях подлежавшая возврату сумма составляла от 879 руб. на двор (в Среднерогатской) до 1305 руб. на двор (в Ново-Саратовской)¹⁰. В «новых» колониях средняя величина долга колебалась в пределах от 4219 руб. на двор (в Кронштадтской) до 6811 руб. на двор (в Оранienбаумской)¹¹. Здесь, в отличие от «старых» колоний, сумма была разложена на семейства не равномерно, а в соответствии с действительными затратами казны на обустройство каждого из них.

Необычная величина долга обусловила и особые условия его погашения, принятые в петербургских немецких селениях.

В конце 1770-х годов властями была осознана изначальная нереалистичность оговоренного при поселении порядка внесения платежей жителями «старых» колоний (согласно заключенным с ними контрактам, долг должен был быть полностью выплачен к началу 1780-х годов); кроме того, стало очевидно, насколько показатели их экономического развития отличаются от правительственных планов. В связи с этим на протяжении последних десятилетий XVIII в. происходит корректировка сроков и размеров выплат: неоднократные переносы начала уплаты долга, неограниченное продление времени его погашения, многократное снижение суммы ежегодных взносов.

Что касается переселенцев второй волны, то при решении вопроса о порядке погашения ими долга министр внутренних дел В. П. Кочубей, предвидя бесперспективность попыток взыскать деньги в соответствии с общими правилами, оговоренными в указе Александра I от 20 февраля 1804 г., испросил императора позволения ориентироваться на пожелания самих колонистов. Исходя из принятых ими на себя обязательств выплачивать ежегодно от 30 до 45 руб. с хозяйства¹², выплата долга должна была растянуться на многие десятилетия. К примеру, в крупнейшей из «новых» колоний — Стрелинской, жители которой решили вносить по 40 руб. с хозяйства в год, минимальная сумма долга, лежащая на одной семье, составляла 4045 руб., а максимальная — 8403 руб.¹³

От компенсации же затрат на строительство самой дорогой из петербургских колоний — Фриденбургской — российским властям вообще пришлось

отказаться. Это мануфактурное селение было основано в 1819 г. на территории Царского Села ремесленниками-ткачами, прибывшими из Бергского герцогства. Строительством семи рассчитанных на два семейства домов со службами и мастерскими, осуществленное по проекту архитектора В.П. Стасова, обошлось более чем в 190 тысяч рублей. Поскольку взыскать такую сумму с жителей колонии заведомо не представлялось возможным, было принято решение оставить постройки в собственности Царскосельского имения, предоставив колонистам лишь право пользования ими, и обязать каждое из семейств уплатить «только» по 3 тысячи рублей, издержанных на их обустройство¹³.

Нужно отметить, что сумма долга жителей «старых» колоний, основанных в 60-е годы XVIII в., не индексировалась в соответствии с изменениями денежного курса (лишь за период с середины 1780-х годов до начала 1810-х годов ценность ассигнационного рубля понизилась в четыре раза¹⁴), а выплаты «новых» колонистов вплоть до начала периода буржуазных реформ держались на том уровне, который был установлен в начале 1820-х годов. Владельцы имений – члены императорской семьи – не проявляли заинтересованности в их повышении, так же как и в увеличении размеров земельной подати – основного налога, взимаемого с колонистов. В начале 1850-х годов министром государственных имуществ П. Д. Киселевым была предпринята попытка повысить налоги с колонистов с целью хотя бы отчасти приблизить их к уровню платежей других категорий сельского населения губернии, однако она не была поддержана Николаем I¹⁵.

Следствием указанных обстоятельств явилось то, что средства, вложенные в строительство петербургских колоний, не были возвращены государству за весь дореволюционный период¹⁶. С финансовой точки зрения их освоение явилось, таким образом, убыточным для российской казны мероприятием.

Констатация данного факта не мешает, впрочем, признать значительный вклад, который немецкие колонисты внесли в развитие региона. При этом именно близость к Петербургу, на потребности которого была ориентирована вся хозяйственная деятельность поддольных колоний, являлась одним из главных факторов их экономического роста в XIX в.

Российские власти видели главную задачу колонистов в снабжении столицы картофелем. Первые посадки этой новой для страны культуры были произведены в Санкт-Петербургской губернии практически в одно время с основанием колоний – в 1785 г.¹⁷ Немецкие селения явились одним из основных участков приложения усилий по насаждению картофелеводства в

регионе и были, таким образом, изначально ориентированы на развитие узкоспециализированного товарного хозяйства.

Средства от продажи картофеля стали основой бюджета колонистских хозяйств уже в конце XVIII в. За первую половину XIX в. объем посадок картофеля в колониях увеличился в восемь раз (с 1351 четверти в 1799 г. до 10 812 четвертей в 1851 г.)¹⁸. В пересчете на душу мужского пола колонисты высаживали до 10 четвертей картофеля, а собирали – до 100 четвертей¹⁹. Местные же крестьяне в это время только приступали к возделыванию этой культуры, высаживая по 0,2–0,5 четверти картофеля на душу мужского пола²⁰. В пореформенный период данный разрыв несколько сократился, но по-прежнему оставался очень значительным. На всем протяжении XIX в. сохранялась разница в специализации хозяйств колонистов и производителей продукции на рынок русских крестьян, подчеркивавшаяся современниками. «В то время как русский крестьянин ... предпочитает возделывание овощей, немецкий колонист производит картофель, к возделыванию которого он когда-то был принуждаем со стороны правительства», – отмечал один из них²¹.

Показательно, что и сами колонисты именно развитие картофелеводства считали основной целью основания иностранных поселений в окрестностях Петербурга. Так, жители Стрелинской колонии в направленном в местную палату государственных имуществ приговоре сельского схода от 30 апреля 1843 г. отмечали: «Мы... употребили на землю весьма значительные денежные расходы, сопряженные с неумолимым трудолюбием поля нашей колонии... согласно цели правительства о переселении населения в Россию относительно возделывания нами земель для запашек на оных картофеля»²².

Неограниченные возможности быта производившейся в колониях сельскохозяйственной продукции при недостатке и плохом качестве пашни стимулировали внедрение уже в конце XVIII в. – начале XIX в. интенсивных земледельческих технологий, передовых агротехнических приемов (многополье, плодосмен, травосеяние, применение удобрений, мелиорация земель и др.). Необходимо подчеркнуть, что инициатива введения этих методов принадлежала органам управления колониями, заслуга же колонистов состояла в том, что они проявляли большую восприимчивость к предлагаемым нововведениям, нежели другие категории крестьянства, в отношении которых также предпринимались соответствующие усилия²³. Впрочем в колониях объективно были более благоприятные условия для интенсификации сельскохозяйственного производства в силу отсутствия переделенной общины.

Уровень специализации колониистского хозяйства находился в прямой зависимости от степени близости колоний к Петербургу либо от удобства путей сообщения, что подтверждается, в частности, разницей в структуре посева зерновых. В ближайших к городу колониях овес, использовавшийся прежде всего в качестве корма для лошадей, вытеснил со временем другие зерновые культуры, составив до 90% посева. Хлеб для продовольственных нужд здесь покупался за счет доходов, полученных от продажи картофеля. В более отдаленных колониях, в меньшей степени вовлеченных в товарно-денежные отношения, распределение культур выглядело более равномерно, и даже в пореформенный период сохранялись значительные посевы ячменя, ржи, пшеницы²⁴.

Специализация колониистских хозяйств на производстве одного вида продукции, широкое применение наемного труда обеспечивали высокий уровень товарности сельскохозяйственного производства (уже в конце 1820-х годов он достигал 60%, вчетверо превышая средний по стране), что позволяло многочисленному населению колоний на протяжении XIX в. обеспечивать значительную долю столичного рынка картофеля.

Таким образом, время подтвердило правильность выбора российских властей в отношении отведенной петербургским колониям хозяйственной ниши.

Экономическому успеху колониистов в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что им удалось сохранить введенную законодательством на начальном этапе колонизации подворно-наследственную форму землепользования, основным условием чего также являлась близость Петербурга.

В то время как в немецких селениях Поволжья рост населения стал одной из причин перехода в 1783 г. к переделной общине, гарантировавшей минимальный надел каждому из ее членов, в Ингерманландии характерная для подворно-наследственной системы проблема увеличения доли безземельных решалась на пути их оттока в Петербург и перехода в другие поселения. Растущая столица могла обеспечить заработком неограниченное количество переселенцев, наличие в ней многочисленной немецкой диаспоры облегчало их языковую и культурную адаптацию.

Власти пытались законодательно ограничить переход колониистов в другие сословия и даже сам промысловый отход в столицу. В частности, в соответствии с указом Павла I от 10 октября 1799 г. увольнение от колоний разрешалось только при условии принятия колониистом обязательств по уплате в течение пяти лет части лежавшего на его семействе долга. Размер

взноса должен был составлять от 250 до 500 руб. (в зависимости от прибыльности практикуемого ремесла или промысла)²⁵. В 1830-х – 1840-х годах действовали «Правила, на каком основании казенные колониисты, поселенные в С.-Петербургской губернии, могут быть увольняемы от обществ колоний для заработка, промыслов и торговли»²⁷, установившие крайне сложный порядок получения паспорта для занятия отхожими промыслами. Однако введение ограничений не могло стать эффективным путем решения проблемы.

Отток населения в Петербург побудил российские власти, заинтересованные в сохранении колониистов в качестве земледельческого сословия, к принятию энергичных мер по переселению безземельных на свободные земли, проводившемуся на значительно более выгодных для жителей колоний условиях, нежели в других регионах. За период с 1821 г. по 1842 г. 84 семьи из подстоличных колоний были переселены в Новгородскую губернию и 12 семей – на новые места в пределах Санкт-Петербургской губернии²⁸. При этом колониисты получили от казны дома, земельные наделы, ссуды на обзаведение и льготы по уплате повинностей, тогда как, например, в Поволжье дополнительные казенные земли давались в общее пользование колониистским округам с условием строительства там новых поселений, переселение осуществлялось на собственные средства колониистов, а повинности отбывших в течение двух-трех лет должно было нести прежнее сельское общество²⁹.

Одновременно с переселением набирал темпы начавшийся уже в конце 1820-х годов рост частного землевладения. К исходу XIX в. на приобретенных в собственности землях петербургскими колониистами в границах губернии было основано более двадцати дочерних колоний.

Вместе с тем в последние десятилетия XIX в. процесс оттока колониистов в Петербург (либо отрыва от сельскохозяйственных занятий без смены места жительства) получил новый импульс: в связи с ростом на окраинах города, в непосредственной близости от немецких селений, крупных промышленных предприятий среди колониистов стала увеличиваться доля фабрично-заводских рабочих. Одним из следствий перемещения активного населения колоний в столицу на данном этапе явилось то обстоятельство, что петербургские колониисты остались в стороне от миграционного движения, охватившего немецкое население Российской империи в конце XIX – начале XX в.³⁰

Таким образом, близость Петербурга позволяла колониям частично решать проблему аграрного перенаселения и преодолевать связанную с ней социальную напряженность.

Вместе с тем с расположением немецких селений вблизи столицы был связан и ряд факторов, негативно отразившихся на их социально-экономическом положении.

К числу таких факторов можно отнести, в частности, последствия активно развернувшегося в окрестностях Петербурга начиная с 1830-х годов строительства шоссейных и железных дорог. Освобождение территории под прокладку дорог привело к утрате колонистами части наделных земель. При этом экономические потери колонию были значительнее, нежели потери жителей русских и финских деревень: характерный для колоний более высокий уровень трудовых и материальных затрат, вкладывавшихся в обработку земли и обуславливавших ее более высокую стоимость, не мог быть в полной мере компенсирован причитавшимися за отторгнутые участки денежными выплатами. Так, например, согласно сведениям, представленным в этот период в Петербургскую палату государственных имуществ от имени сельского схода Стрелинской колонии, разработка каждой десятины земли под пашню обошлась ее жителям в 845 руб.³¹

Еще более существенным следствием железнодорожного строительства явилось ухудшение экономической конъюнктуры, сужение рынка сбыта сельскохозяйственной продукции. О том, насколько болезненно данное обстоятельство сказалось на положении части колонистов, дает представление прошение о понижении выкупных платежей, поданное в 1882 г. в Петербургскую удельную контору жителями Ижорской колонии. «Сто лет мы исправно платили оброки, а теперь, если бы не сбережения прежних лет, мы оказались бы банкротами», — писали они, указывая наряду с другими причинами несостоятельности на то, что «бывшие прежде ямщики, с проведением железных дорог, обратились к земледелию и обрабатывают поля. Где прежде были пустоши, где прежде сбывались только наши земельные продукты и куда исключительно шло все удобрение из Павловска и Царского Села, там ныне все изменилось к нашей невыгоде»³².

Установленный в ходе аграрных реформ 1860-х — 1870-х годов исключительно высокий уровень выкупных платежей за землю, о котором идет речь в цитированном прошении, также являлся одним из негативных следствий расположения многих колоний в окрестностях столицы. Для них, как для всех селений, находившихся на расстоянии менее 25 верст от Петербурга, законодательством был определен максимальный (в масштабах всей страны) размер выкупа, составлявший 50 руб. за десятину³³.

В связи с этим процесс выкупа колонистами как государственных³⁴, так и дворцовых земель затянулся на долгие годы. Жители многих немецких се-

лений не спешили вносить деньги за землю, которую они и без того считали своей, обращались в различные инстанции, вплоть до министра внутренних дел, с просьбами о пересмотре размеров выкупа. В итоге же внешние ими выкупные платежи в ряде случаев даже превышали установленные законодательством. Так, в 1877 г. группа жителей, располагавшаяся на государственной земле Ново-Саратовской колонии, выкупила свои наделы, уплатив по 51,7 руб. за десятину³⁵; стрелинские колонисты, выкупившие землю одновременно всем сельским обществом, уплатили собственнику Стрельны великому князю Константину Николаевичу по 60 руб. за десятину³⁶.

Приняв во внимание указанные негативные аспекты, нужно тем не менее еще раз подчеркнуть, что в целом близость обширного столичного рынка оказала стимулирующее воздействие на экономическое развитие немецких селений, обусловив высокие темпы капиталистической эволюции хозяйства петербургских колонистов.

Не менее значительное влияние Петербург оказывал и на социальную и духовную жизнь немецких колоний.

Не опровергая того факта, что на протяжении дореволюционного периода петербургские колонии сохраняли характерную для всех иностранных поселений страны обособленность, следует вместе с тем отметить, что близость столицы безусловно способствовала расширению сферы социальных контактов их жителей. Объектами этих контактов выступали представители самых разных слоев российского общества, включая правящую элиту.

В частности, расположение колоний на землях дворцовых имений открывало перед их жителями возможности посещения императорских и великокняжеских резиденций, личного общения с членами царской семьи. Собственники земли проявляли пристальный интерес к жизни колонистов, последние же всячески стремились утвердить свое особое положение, используя, помимо прочего, то обстоятельство, что некоторые из членов царской семьи являлись соотечественниками их предков. К примеру, в 1841 г. по просьбе колонистов была организована их встреча с прибывшей из герцогства Гессен-Дармштадт невестой великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II) Марией Александровной³⁷. Члены императорской семьи также в свою очередь посещали немецкие селения, а порой и проводили в них длительное время, как, например, супруга великого князя Михаила Павловича великая княгиня Елена Павловна (урожденная Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская), снимавшая под дачу

дом одного из жителей Кронштадской колонии. Источники сохранили также свидетельства о том, что колонисты прибегали к защите членов царской семьи в случаях конфликтов с непосредственным начальством, являлись ко двору с поздравлениями в праздники и т.п.

Важное место среди внешних контактов колонистов занимали связи с немецкой диаспорой Петербурга, которая на протяжении XIX в. насчитывала от 40 до 50 тыс. человек³⁸. К числу петербургских (остзейских) немцев принадлежало подавляющее большинство чиновников органов управления колониями; петербургские немцы, в том числе имевшие опыт работы в учебных заведениях столицы, выполняли обязанности учителей в колониях; к немецким адвокатам колонисты шли за помощью в составлении прошений, жалоб и других документов. Целью промыслового отхода зачастую являлись торговые и промышленные заведения, принадлежавшие петербургским немцам; занимавшиеся «питомническим промыслом» брали в свои семьи из воспитательных домов Петербурга исключительно детей немецкой национальности. При этом важно подчеркнуть, что колонисты (даже жившие фактически в черте города) не рассматривались в качестве части немецкой диаспоры. Они не вступали в браки с представителями городских сословий, не входили в число членов функционировавших в столице немецких организаций и союзов, не принимали участия в общественной жизни петербургских немцев³⁹.

Важнейшим каналом социальных связей колонистов с жителями столицы других национальностей являлся дачный промысел, на всем протяжении XIX в. занимавший в экономике колоний значительное место, уступая по доходности лишь картофелеводству. Чистые просторные дома, приятный для глаз внешний облик немецких селений, царивший в них порядок делали колонию привлекательными местами летнего отдыха и выгодно отличали их от русских деревень. Стремясь привлечь возможно большее количество отдыхающих, колонисты старались максимально приспособить жилые постройки к их нуждам, расширяли отдаваемые внаем площади, продолжали благоустраивать подворья и селения в целом. В значительной части дворов были построены небольшие дома в русском стиле с мезонинами, предназначенные специально для приезжающих, в садах перед домами устанавливались скамьи для отдыха, строились беседки и садовые домики, хозяйственные же строения переносились в дальнюю часть двора и открывались только в сторону поля.

Нужно подчеркнуть, что колонии привлекали тысячи петербуржцев не только как наиболее благоустроенные в окрестностях столицы дачные ме-

ста, но и (что особо подчеркивалось в путеводителях) как своеобразные островки немецкой народной культуры. Колонисты в свою очередь получили возможность знакомства с русским языком и культурой, а порой и с ее выдающимися представителями, снимавшими здесь дачи.

Помимо дачников, немецкие селения в большом количестве посещала отдыхающая публика, проводившая свой досуг в окрестностях столицы. Пригородные резиденции, на территории которых располагались колонии, традиционно являлись местами увеселений и массовых празднеств, сменявших друг друга на протяжении каждого дачного сезона. Примечательно, что сами колонисты выступали на подобных мероприятиях не только в роли наблюдателей, но и в роли действующих лиц. Сохранились, к примеру, свидетельства об участии хора Фриденбургской колонии в знаменитых концертах Иоганна Штрауса в Павловске, об открытых выступлениях духового оркестра Стрелинской колонии (в том числе в присутствии императора Николая II) и т.д. Ярким событием в жизни губернии, получившим отклик в столичной прессе, стали праздники, посвященные столетию основания первых колоний, в которых приняли участие как жители всех подстоличных немецких селений, так и тысячи горожан различных сословий⁴⁰.

Расширение границ столицы, тесный контакт с ее жителями способствовали тому, что с течением времени культура ближайших к Петербургу колоний все в большей степени приобретала черты культуры городского предместья: немецкие народные танцы уступали место вальсу и кадрили, старинные баллады – городскому романсу, в дома активно проникали элементы городского быта⁴¹.

Приобщение к новациям городской жизни, ориентация на характерные для города культурные образцы и стандарты поведения, будучи показателями прогрессивного по своей сути процесса модернизации, в то же время несли с собой определенные проблемы, разрушая традиционные формы социальной жизни, подрывая сохранявшиеся многими поколениями нравственные ценности и моральные устои. Примером отрицательной оценки влияния столицы на моральный климат в колониях служат слова пастора Германа Баргельта, руководившего крупнейшим из колонистских приходов Санкт-Петербургской губернии – Ново-Саратовским, к которому принадлежали 18 немецких селений. «Мне кажется, что нравственное состояние общины за прошедшие двадцать лет скорее ухудшилось», – отмечал он в приходской хронике за 1897 год. – Истинная, идущая изнутри приверженность христианской вере является редчайшим явлением в колониях... Наихудшее влияние в этом отношении, без сомнения, оказывает Петербург, в своем

быстром росте все ближе подступающий к колониям. Материальный дух, стремление к удовольствиям большого города пускают свои корни и в сельских общинах, ведя их часто к хозяйственному и моральному упадку»⁹.

На протяжении существования немецких селений все более интенсивными становились и контакты колонистов с сельским населением Санкт-Петербургской губернии. Полею таких контактов являлся прежде всего найм сельскохозяйственных рабочих, который приобрел в колониях массовый характер уже в первой трети XIX в.: к началу 1830-х годов каждый хозяин из материнских колоний в период сбора урожая нанимал по 20–30 поденных работников. Случалось, что, помимо русских крестьян, в качестве наемной рабочей силы выступали солдаты квартировавших в окрестностях столицы полков.

Еще более тесные взаимоотношения с местным крестьянством имели место в дочерних колониях. В Санкт-Петербургской губернии образование дочерних поселений происходило не одновременно, как в других регионах, где определяющая роль при их основании принадлежала колониистским обществам, а постепенно, по мере покупки отдельными семьями усадебных участков, лежащих поблизости от русских и финских деревень либо даже в их границах. В таких случаях происходила своего рода инфльтрация немцев в среду местного населения, как это имело место, например, в крупнейшей из дочерних колоний – Овцыно, где усадебные земли немецких колонистов и финнов-старожилос располагались чересполосно. Таким образом, в Санкт-Петербургской губернии не был выражен такой фактор обособленности, как географическая изоляция, характерная для немецких поселений, располагавшихся в других частях Российской империи.

Вовлечение колонистов в экономическую и социальную жизнь региона способствовало тому, что уже в первые десятилетия XIX в. ими была осознана необходимость обучения русскому языку. В 1825 г. жители Среднерогатской колонии обратились в Министерство внутренних дел с просьбой о введении его в программу сельской школы в качестве особого предмета и получили согласие министра П.А. Строганова, а с начала 1830-х годов русский язык преподавался уже во всех колониях губернии¹⁰.

Результаты проведенных сравнительных исследований свидетельствуют о том, что в XIX в. петербургские колонии сохраняли приоритет по сравнению с немецкими селениями ряда других регионов не только в отношении обучения русскому языку, но и в целом в деле организации школьного образования. Ввиду существования в столице многотысячной немецкой диаспоры здесь не имелось проблем с комплектованием штата учителей, уро-

вень образования и материального обеспечения последних был выше, а количество учащихся, приходившихся на одного учителя – ниже, чем, например, в Поволжье и на Юге России. В части колоний общества санкционировали (и финансировали) существенное расширение традиционной школьной программы. Наконец, нельзя не упомянуть о значительном содействии, оказывавшемся развитию немецких сельских школ со стороны органов управления колониями¹¹.

Подводя итоги, можно констатировать, что близость Петербурга являлась важнейшим из факторов, способствовавших интеграции поселенных в его окрестностях колонистов в российское общество, а также основным двигателем процесса модернизации хозяйственной, социальной и духовной жизни подстоличных немецких колоний, который, впрочем, был далек от своего завершения к исходу описываемого периода.

⁹ См.: Бахмутская Е.В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII в. – начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб., 1999. С. 233 – 245.

¹⁰ См.: Горбатенко С. Б. Петергофская дорога: Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2002.

¹¹ См.: Терехин С.О. Поселения немцев в России: Архитектурный феномен. Саратов, 1999. С. 121.

¹² См.: Koch E. Die Deutschen Kolonien Nordrusslands: Eine siedlungs- und kulturhistorische Untersuchung. Würzburg, 1931. S. 26, 31.

¹³ См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1170. Л. 83–84 об.

¹⁴ См.: Там же. Д. 1155. Л. 70.

¹⁵ К примеру, в Поволжье размер долга, приходившегося на одно колониистское хозяйство, составлял от 200 до 900 руб. (См.: Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998. С. 198.)

¹⁶ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830 (далее – ПСЗ-I). Т. 24. № 18006.

¹⁷ Подсчитано по: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194. Л. 23–25.

¹⁸ См.: ПСЗ-I. Т. 37. № 28124.

¹⁹ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1183. Л. 118 об.

²⁰ Подсчитано по: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194. Л. 23 об.

- ¹³ См.: ПСЗ-I, Т. 40, № 30459.
- ¹⁴ См.: Черепнин Л.В. Русская метрология. Л., 1967. С. 81.
- ¹⁵ См.: РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 125.
- ¹⁶ Финансовые потери выглядят еще более значительными, если принять в расчет средства, вложенные в 1760-е гг. в строительство трех колоний в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии, которые в силу своей удаленности от столицы не рассматриваются в данной работе. В соответствии с указом Екатерины II от 17 августа 1793 г. эти колонии по причине своего бедственного экономического положения были полностью освобождены от уплаты долга казне, составившего 40% совокупного долга всех «старых» колоний. (См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 12.)
- ¹⁷ См.: Лехович В.С. К истории культуры картофеля в России // Материалы по истории земледелия в России. М.; Л., 1956. Т. 2. С. 264.
- ¹⁸ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 32; Ф. 1589. Оп. 2. Д. 523. Л. 11.
- ¹⁹ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194, 1200.
- ²⁰ См.: Бразевич С.С. Удельные крестьяне Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII – середине XIX века: Дис. канд. ист. наук. СПб., 1993 (рукопись). С. 140; РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 256. Л. 12.
- ²¹ Гернет А. Немецкая колония Стрельна под Петербургом: 1810 – 1910: Юбилейный листок в память столетия существования колонии. СПб., 1910. С. 12.
- ²² РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 153. Л. 66.
- ²³ См., напр.: Бразевич С.С. Удельные крестьяне Санкт-Петербургской губернии...; Выходков Л.В. Государственные крестьяне Санкт-Петербургской губернии в предреформенный период (1836–1866 гг.): Дис. канд. ист. наук. Л., 1980 (рукопись).
- ²⁴ См.: Материалы по статистике народного хозяйства С.-Петербургской губернии. Вып. I – XVII. СПб., 1882–1895.
- ²⁵ Подсчитано по: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200.
- ²⁶ См.: ПСЗ-I, Т. 25, № 19146.
- ²⁷ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200. Л. 147 – 149 об.
- ²⁸ См.: Там же. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1201, 1202; Ф. 1589. Оп. 2. Д. 250 и др.
- ²⁹ См.: Вороняцков А.В. Миграционные процессы в поморских колониях в XIX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы международной научной конференции. Анапа, 26 – 30 сентября 1997 г. М., 1998. С. 98 – 99.
- ³⁰ Подробнее см.: Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект // Материалы международной научной конференции. Анапа, 26 – 30 сентября 1997 г. М., 1998.
- ³¹ См.: РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 153. Л. 66 об. – 67.
- ³² Там же. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 19. Л. 5 об.
- ³³ См.: Там же. Л. 4 об.
- ³⁴ Регламентировался «Правилами 4/16 июня 1871 г.» (ПСЗ-II, Т. 46, № 49705).
- ³⁵ Регламентировался законами от 2 ноября 1863 г. (ПСЗ-II, Т. 38, № 40183) и от 1 февраля 1877 г. (ПСЗ-II, Т. 52. Ст. 1, № 56910).
- ³⁶ См.: Шрадер Т.А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования / Сост. и отв. ред. Н.В. Юхнева. Л., 1989. С. 137.
- ³⁷ См.: Гернет А. Немецкая колония Стрельна под Петербургом. С. 14.
- ³⁸ См.: РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 216.
- ³⁹ См.: Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербургской губернии, 1884. С. 182.
- ⁴⁰ См.: Busch M. Deutsche in St. Petersburg 1865-1914: Identität und Integration. Essen, 1995.
- ⁴¹ См., напр.: Швецов М. Столетний юбилей Среднерогатской колонии // Петербургский листок. 1866. № 123.
- ⁴² См.: Najdic L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte-Brauchium-Folklore // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Beihefte. Hf. 94. Stuttgart, 1997.
- ⁴³ Цит. по: Koch E. Die Deutschen Kolonien Nordrusslands. S. 21.
- ⁴⁴ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1195.
- ⁴⁵ См.: Бахмутская Е.В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии, 1760-е – 1870-е гг. Дис. канд. ист. наук. СПб., 2003 (рукопись). С. 159 – 172.